

УДК. 130.3 (140.8)

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-3-27-38

ДУХОВНЫЕ РИСКИ: НЕОБХОДИМОЕ, ДОСТАТОЧНОЕ И ЧРЕЗМЕРНОЕ В ТЕОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Седанкина Т. Е.*Российский исламский институт**420079, г. Казань, ул. Газовая, д. 19, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. На основе рассмотрения возможных духовных рисков, возникающих в ходе осуществления теологом научно-исследовательской деятельности, осуществить анализ причин чрезмерной осторожности теолога-исследователя в проведении границ необходимого, достаточного и чрезмерного.

Процедура и методы. С целью поиска ответа на вопрос «В чём причина того, что большая часть мусульман, опасаясь перешагнуть границу дозволенного, не позволяет себе приблизиться к возможному?» рассматривается несколько хадисов, являющихся ключевыми в формировании ряда сдерживающих установок. Для выявления смысла слова «заповедный», встречающегося в одном из рассматриваемых хадисов, осуществлён анализ его значений в Арабско-русском словаре к Корану и хадисам В. Гиргаса, Большом арабско-русском словаре Х. Баранова, Полном церковнославянском и Старославянском словарях. Осуществлён также анализ современных научных исследований, касающихся осмысления сущности понятий риска и неопределённости, тревоги и сомнения, энигматической интриги, научно-исследовательского азарта и духовного авантюризма.

Результаты. В работе осуществлён анализ причин внутренних переживаний, сопровождающих теолога-исследователя, основанных на духовных рисках (*риск духовного познания; риск веры; риск искания истины; риск искажения религиозных догматов*), вызванных как объективными, так и субъективными факторами. Помимо реальной опасности впадения в ересь, у человека, воспитанного в строгой религиозной традиции, могут наличествовать психологические установки относительно: запрета на изучение богословских вопросов, выходящих за рамки базовых; не поощрения самостоятельного чтения и размышления над религиозными текстами ввиду неспособности сделать правильные выводы без руководства наставника; возможного осуждения со стороны мусульманской уммы, в обязанность которой входит предостережение от сомнительного и препятствование совершению порицаемого. Всё это, несомненно, становится причиной чрезмерной осторожности в отношении определения теологом для себя границ между дозволенным, сомнительным и запретным, а также между необходимым, достаточным и чрезмерным, что не только не способствует интеллектуальным изысканиям, но и сдерживает их.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты работы могут послужить базой для дальнейших исследований причин ограниченности поля теологического исследования, а также факторов, сдерживающих развитие теологического знания.

Ключевые слова: гносеологическая и энигматическая интрига, гносеологическое сомнение и онтологическая вероятность, дозволенное, сомнительное и запретное, духовный авантюризм, научно-исследовательский азарт, пограничная ситуация, принцип методологической осторожности, принцип нон-квалификационизма, субъективная неопределённость, чрезмерная осторожность

SPIRITUAL RISKS: NECESSARY, SUFFICIENT AND EXCESSIVE IN THEOLOGICAL RESEARCH

T. Sedankina*Russian Islamic Institute**ul. Gazovaya 19, Kazan 420079, Russian Federation*

© СС BY Седанкина Т. Е., 2022.

Abstract

Aim. Based on the consideration of possible spiritual risks arising in the course of the theologian's research activities, to analyze the reasons for the theologian-researcher's excessive caution in drawing the boundaries of the necessary, sufficient and excessive.

Methodology. In order to find an answer to the question "What is the reason that the majority of Muslims, fearing to step over the border of what is permitted, do not permit themselves to approach the possible?" several hadiths are considered, which are key in the formation of a number of restraining attitudes. To reveal the meaning of the word "reserved", found in one of the hadiths under consideration, an analysis of its meanings in the Arabic-Russian Dictionary to the Koran and Hadiths by V. Girgas, the Large Arabic-Russian Dictionary of Kh. Baranov was carried out; Complete Church Slavonic and Old Church Slavonic dictionaries. Besides, an analysis of modern scientific research concerning the understanding of the essence of the concepts of risk and uncertainty, anxiety and doubt, enigmatic intrigue, research excitement and spiritual adventurism was carried out.

Results. The paper analyzes the causes of inner experiences accompanying a theologian-researcher, caused by spiritual risks (*the risk of spiritual knowledge; the risk of faith; the risk of searching for truth; the risk of distortion of religious dogmas*) caused by both objective and subjective factors. In addition to the real danger of falling into heresy, a person brought up in a strict religious tradition may have psychological attitudes regarding: a ban on the study of theological issues that go beyond the basic ones; not encouraging independent reading and reflection on religious texts due to the inability to draw correct conclusions without the guidance of a mentor; possible condemnation by the Muslim Ummah, whose duty is to warn against the dubious and prevent the commission of the condemned. All this undoubtedly becomes the cause of excessive caution in the theologian's determination of the boundaries between what is permitted, doubtful and forbidden, as well as between necessary, sufficient and excessive, which not only does not contribute to intellectual research, but also restrains them.

Research implications. The results of the work can serve as a basis for further research into the reasons for the limited field of theological research, as well as factors hindering the development of theological knowledge.

Keywords: epistemological and enigmatic intrigue, epistemological doubt and ontological probability, permitted, doubtful and forbidden, spiritual adventurism, research excitement, borderline situation, principle of methodological caution, principle of non-qualificationism, subjective uncertainty, excessive caution

Ты никогда не поймёшь, что значит «достаточно»,
пока не узнаешь, что значит «чрезмерно»¹.

Уильям Блейк (1757–1827)

Введение

Согласно Ж.-П. Сартру, «будучи *apriori* вписанным в бытие, человек изначально обладает его "до-онтологическим" пониманием» [5, с. 16], наделяющим пытливый ум верой в возможность обретения ответов на непростые вопросы несмотря на переживание при этом пограничных состояний (неопределённости, тревоги, сомнения) и осознание духовных рисков (риск веры, риск искания истины, риск

искажения религиозных догматов), что может привести к двум противоположным исходам: либо отказу от возможности актуализации до-онтологического понимания и пребыванию в иллюзорной зоне комфорта, либо принятию решения на совершение внутреннего рывка, несмотря на осознание возможных трудностей и рисков, а также проживание пограничных ситуаций.

По мнению К. Ясперса, *пограничная ситуация* может способствовать «скачку к просветлению, в чём и заключается её исконный глубинный смысл, постичь кото-

¹ Блейк У. Притчи ада, строка 46 // Блейк У. Бракосочетание рая и ада / пер. В. Чухно. М.: Экспо, 2006. С. 6.

рый, однако, возможно лишь *экзистирова*» [4, с. 16]. Проживание *пограничной ситуации* как способа бытия субъекта, дающего «возможность экзистенции в существовании» [27, с. 4], по К. Ясперсу, проходит ряд этапов:

– осознание потенциальной возможности прорыва в сторону экзистенции и переживание *состояния «готовности к скачку»*;

– осмысление грандиозности масштаба этой возможности и переживание *стремления к самопреодолению*, несмотря на ощущение состояний неопределённости, тревоги и сомнения, вызванных осознанием возможных рисков на пути;

– акт реализации этой возможности, заключающейся в «свершении перехода от возможного к действительному» [4, с. 17]. Благодаря чему возможно «кардинальное преобразование субъекта».

Перед тем, как достичь состояния «готовности к скачку», человеку свойственно переживание вышеназванных состояний, вызванных осознанием не только предстоящих трудностей, но и возможных рисков, что может привести к *отрицанию* «готовности к “экзистенциальному скачку” и угасанию “стремления к самопреодолению”» [4, с. 17]. Проживая предварительный этап пограничной ситуации, теолог-исследователь может апеллировать к мнению, существующему как в христианской, так и в исламской традиции, согласно которому в богословских исследованиях «вопросы определения предельных смыслов не стоят, ибо смысл уже определён Божественным Откровением, задавая некие рамки, внутри которых содержится конкретное содержание, в зависимости от определённых культурных и религиозных представлений» [2, с. 256]. Согласно данному подходу, аксиоматические утверждения, задающие определённую систему координат проводимого исследования, принимаются на веру и служат основанием всех последующих богословских суждений. Несомненно, подобный «рамочный» подход сужает поле теологического исследования до изучения и структурирования ранее написанного.

Однако, отрицание «готовности к скачку», возникающее на первоначальном этапе поисковой деятельности, рассматривается Ж.-П. Сартром как «первоначальное условие всякого последующего вопрошания» [5, с. 16], т. к., несмотря на *ограничивающие рамки*, человек обладает врождённой верой в возможность обретения ответов, заложенной в самой природе человека, а также склонностью к постижению тайн.

Несомненно, в данном положении исследователь начинает испытывать *состояние неопределённости*, которое, согласно итальянскому философу экзистенциализма Н. Аббаньяно, выражает «природу экзистенциального акта, не исчерпывающегося в самом себе, а выходящем за свои собственные пределы, создавая тем самым возможность движения к цели» [1, с. 94–95]. В данном случае состояние неопределённости рассматривается в своём позитивном аспекте. Неопределённость может носить объективный характер по отношению к человеку, представляя собой состояние, на которое «человек никак не может повлиять или предсказать» [1, с. 83]. Нас же интересует «*неопределённость субъективная*», рассматриваемая как «состояние ума, переплетение мыслей, направленных на поиск “неопределённых решений”» из множества возможных, причём, как отмечает В. С. Диев, «состояние ума зависит от уровня знаний» [11, с. 80]. Итак, в ходе осуществления научного исследования теолог, имеющий определённый багаж знаний, попадает в состояние «*субъективной неопределённости*», оказываясь перед выбором:

– либо двинуться в сторону экзистенции, осуществляя внутренний прорыв, открывающий шанс реализации возможности фундаментального масштаба, но и неся с собой определённые *духовные риски*;

– либо отказаться от «возможности грандиозного масштаба», оставаясь в зоне комфорта, не предполагающей ни рисков, ни новых возможностей.

Причём категория «отказавшихся», вероятнее всего, рассматривает *риск* с позиции *пессимистической теории*, согласно

которой риск представляется как вероятность возникновения неблагоприятной ситуации, а потому вызывает страх и отказ от действия¹. Группа же «выбравших рыбок» рассматривает *риск оптимистически*, видя в нём возможность счастливого исхода, т. е. прорыва в экзистенцию, находящуюся за пределами «вчерашних горизонтов». Несомненно, «риск включает в себя как “опасность”, так и “благоприятную возможность”, связывая их воедино. Более того, не для каждого и не в каждой ситуации риск полезен, оправдан и возможен» [15, с. 35], особенно если речь идёт о «риске духовного познания» [13, с. 352].

Риски духовного познания

Риск теолога-исследователя имеет трёхчастный характер. Первый назван Н. А. Бердяевым «*Риском веры*» [7, с. 125]. «Вера в избрание иных невидимых миров уже является риском. Только принятие видимых вещей, принятие так называемого объективного мира не рискованно. Человек, поверив, как бы бросается в пропасть... Вера не знает гарантий. В каждом акте веры есть риск» [6, с. 38]. Риск веры требует от человека совершения «жертвоприношение рассудка», сопровождающегося «отречением от благоразумной рассудочности, отречением малого индивидуального разума от себя во имя разума божественного» [7, с. 125], приводящим к «ломке сознания», что, по мнению С. Л. Франка, является «героическим подвигом» [26, с. 232].

Второй риск связан с «*Риском искания истины*» [26, с. 219] – действием, связанным с предельным напряжением интеллектуальных и духовных сил, направленных на осознание «полноты реального бытия, где вера и знание в предельной своей глубине становятся едины» [26, с. 114]. Однако будучи не в силах достичь этой предельной глубины, теолог сталкивается с *риском искажения религиозных догматов*. «Попытки

создать безрисковую ортодоксию имеют социологический, а не духовный характер. Аналитическое или синтетическое действие *рискует исказить*, изуродовать предметную ткань теории. Принятие субъективного материала религиозной интуиции без критического осмысления рискует принять за откровение создания собственным воображением, а может быть, ещё хуже – самовнушение своего порочного сердца» [24, с. 189], – предупреждает Е. Трубецкой. Осознание данного типа риска не предполагает остановки исследовательской деятельности, направленной на приближение к «предельным смыслам», но налагает огромную *ответственность* на теолога, несомненно видящего в риске “опасность”, но и “благоприятную возможность”. «Дух всегда предполагает риск с точки зрения насилующего нас объективного мира» [7, с. 38], – подчёркивает Н. Бердяев.

Несомненно, в ходе исследования теологу необходимо соблюдать осторожность, однако она не должна быть чрезмерной, на что обращал внимание татарский мусульманский религиозный деятель Хасан-Гата Габаша (1863–1936), подчёркивая, что в самой осторожности должна быть осторожность, т. к. чрезмерная осторожность сводит на нет разницу между запретным, сомнительным и разрешённым². Читаем в хадисе: «Дозволенное очевидно, и запретное очевидно, а между тем и другим находится сомнительное, о котором многие люди не знают. Остерегающийся сомнительного очищает свою религию и свою честь, а тот, кто занимается сомнительным, подобен пастуху, который пасёт (своё стадо) около заповедного места и вот-вот окажется там. Поистине, у каждого владыки есть своё заповедное место, и поистине заповедным местом Аллаха на земле Его является то, что запрещено Им...»³.

² Сайфуллина Г. Р. Хасан-Гата Габаша в дискуссии о дозволенности музыки в исламе // Ислам и музыка. Взгляды татарских богословов: учебное пособие. Казань: Казан. ун-т, 2013. С. 35.

³ Муслим. Сахих: мухтасар. «Сахих» имама Муслима: Краткое изложение. Т. 5 / сост. Заки-ад-дин 'Абд-аль-'Азым ибн 'Абд-аль-Кавви ибн 'Абдуллах ибн Салаяма Абу Мухаммад аль-Мунзири; пер. с араб., прим., указ. А. Нирша. М.: Умма, 2011. С. 50.

¹ Источники неопределённости и риска в предпринимательской деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.puckinet.ru/inc/risk5.htm> (дата обращения: 03.04.2022).

В приведённом хадисе привлекает внимание словосочетание «заповеданное место», т. к. слово «заповеданное» (араб. Хима), истолкованное в последнем предложении как «запретное» (араб. Харам), в разных словарях имеет несколько иной характер, вплоть до противоположного, кроме словаря В. Ф. Гиргаса¹, составленного непосредственно на основе лексик Корана и хадисов, где «хима» переводится как «запретное» в первом значении и «заповедное» – во втором. В арабско-русском словаре Х. К. Баранова слово «заповедное» имеет значение «недоступное», «защищаемое», «охраняемое», «укрытое», и лишь последним значением приводится «запретное»². В Старославянском словаре слово «Запрещённый» в последнем значении упоминается «велеие», «заповедание», «заповедь», «зарок», «повеление»³. В Полном церковнославянском словаре слово «заповедаю» имеет значения «распоряжаюсь», «увещаваю», «убеждаю», «предписываю», «приказываю», «утверждаю». «Заповедный – принадлежащий до заповеди, запретный. Заповедь – приказание, поручение; общее название всего, что Господь заповедал людям соблюдать. Заповедь в древнерусских памятниках употребляется в значении епитимии, наказания»⁴. В толковом словаре С. И. Ожегова в 3 значениях – «неприкосновенный, запретный»⁵. В Толковом словаре Т. Ф. Ефремовой в 3 значениях – «особенно дорогой, заветный, хранимый в тайне, сокровенный»⁶. Таким образом, обнаруживается некое смещение

понятий, приводящих к различным толкованиям, во избежание чего, видимо, и было приведено последнее предложение «заповедным местом Аллаха на земле Его является то, что запрещено Им».

В ходе осуществления небольшого лингвистического анализа возникает ряд вопросов: *в чём разница между заповедным и запретным? Где проходит грань между достаточностью и чрезмерностью и каким образом можно регулировать эту тонкую черту? В чём причина того, что большая часть мусульман, опасаясь перешагнуть границу дозволенности, не позволяет себе приблизиться к возможному?* Для ответа на эти вопросы обратимся к истории исламской мысли, рассмотрев некоторые хадисы, являющиеся ключевыми в формировании ряда сдерживающих установок.

Так, на заре ислама в одной из правовых школ был введён термин «била кайфа» (араб. *بى كاي ال* букв. «без как», «не спрашивать, как: вера должна обходиться без разума») [8, с. 23], лёгший в основу принципа *нон-квалификационизма* «исбит̣-х̣а̣ / амиру-х̣а̣ би-ла̣ кайф» («утвердите / примите их без [вопрошания]: “Как?”») [20, с. 139], первоначально указывающего на «недопущение аллегорического толкования антропоморфных текстов»⁷. Сторонники данного подхода, среди которых были многие богословы первых веков ислама – ханбалиты, ранние ашариты и матуридиты, стали именоваться *балакифа* (нон-квалификационистами)⁸. В настоящее время, видимо, с опорой на хадис аль-Бухари, размещённый в сборнике достоверных хадисов, в разделе «О достоинстве того, кто освобождается (от сомнительного) ради своей религии», данный запрет распространился на исследование, касающихся многих других вопросов. Из-за «чрезмерной осторожности» боль-

¹ Гиргас В. Ф. Арабско-русский словарь к Корану и хадисам. СПб.: Диля, 2006. 928 с. С. 190.

² Баранов Х. К. Большой арабско-русский словарь: в 2 т. Т. 1. 11-е изд. М.: Живой язык, 2006. С. 193–194.

³ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благоява. М.: Русский язык, 1994. С. 231.

⁴ Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерус. слов и выражений) / сост. Г. М. Дьяченко. М.: Отчий дом, 2004. С. 195.

⁵ Заповедный // Словарь Ожегова: [сайт]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=8591> (дата обращения: 03.04.2022).

⁶ Заповедный // Словарь Ефремовой: [сайт]. URL: <https://www.efremova.info/word/zapovednyj.html#Yw3jX-gzaUl> (дата обращения: 03.04.2022).

⁷ Ибрагим Т. К. Религиозная философия ислама. Калам: учебное пособие. Казань: Казанский университет, 2013. С. 4, 89.

⁸ Другие виды написания термина «Балакифа» в зависимости от произношения и правил передачи арабских терминов – «балакифа», «биякифа», «бия-кяйф», см.: Ибрагим Т. К. Религиозная философия ислама. Калам: учебное пособие. Казань: Казанский университет, 2013. С. 4.

шая часть богословов-теологов со времён Средневековья до наших дней, остерегаясь перешагнуть черту, предпочитают в дозволенном видеть не только сомнительное, но и запретное, что, несомненно, не только не способствует развитию теологического знания, но и значительно сдерживает его. Всё это происходит несмотря на то, что в Коране многократно упоминается указание на важность приобретения знания. Согласно результатам исследования востоковеда Франца Роузенталя (1914–2003), «частота употребления в Священном тексте мусульман слова “знание” и его производных – 750 случаев. Поскольку Коран содержит около 78000 слов, можно сказать, что производные от корня ‘-l-m составляют около 1% словаря» [22, с. 37]. В чём же причины этой «чрезмерной осторожности»?

Во-первых, большей частью ортодоксального мусульманского сообщества считается, что *не все религиозные вопросы имеют одинаковую степень значимости*. Важным считается освоение базовых вопросов ислама, называемых *фардом* – обязательным, в отличие от тех, которые приближают искателя к сфере сомнительного, и более того, к «заповедному». Учёные-богословы верно полагают, что религиозное знание необходимо получать постепенно, последовательно, что попытки охватить большой объём информации без должной подготовки могут привести к негативным последствиям. «Кто пытался взять все знания сразу, тот сразу всё и потеряет»¹, – подчёркивал один из первых письменных фиксаторов хадисов Аз-Зухри. Однако большинство изучающих религию (в том числе и так называемые теологи-исследователи) так и останавливаются на изучении «базовых вопросов ислама», даже не стремясь двигаться дальше, так как грань между сомнительным и запретным довольно тонка.

Более того, *самостоятельное чтение религиозных книг* частью богословов, опять же, со времён Средневековья вплоть до наших дней, *не приветствуется*, т. к.,

согласно их точке зрения, человек, не получивший достаточного уровня исламских знаний, почерпнутых из общепризнанных классических источников, может неверно понять смысл изложенного, ступив в область сомнительного, от которой до запретного один шаг. Людей, ограничивающихся лишь самостоятельным чтением, ошибочно полагающих, что они могут самостоятельно освоить исламские знания, не считают исламскими учёными, а лишь «книжниками». «Тот, кто берет знания по хадисам из книг – книжник...»², – читаем у имама Хатыба аль-Багдади. По этой причине многие «искатели религиозного знания», опасаясь прослыть «книжниками», довольствуются разъяснениями основ ислама, даваемыми имамами, подсознательно опасаясь собственных самостоятельных суждений, способных привести как к вопросам, выходящим за рамки «базовых», так и к идеям, выходящим за рамки устоявшихся религиозных норм.

Данные опасения усугубляются тем, что задачей имамов и коллективной обязанностью мусульман является предостережение других от запретного. «Кто из вас увидит порицаемое, пусть исправит его своей рукой, а если не может, то своими устами, а если не может, то [пусть осуждает] своим сердцем, и это – самая слабая степень веры [последнее, что обязан сделать]»³, т. е. мусульманин, ставший свидетелем сомнительного / запретного (в том числе стремления погрузиться в изучение вопросов, превосходящих базовый уровень, самостоятельное изучение религиозных книг) должен предупредить, а по возможности остановить от неразумных действий, способных привести к греховному деянию, так как ни один мусульманин не имеет права закрывать глаза на совершение греховного (заповедного).

² ۲۱۱۲ یو وارلا ب یردت یداد غب لل بی طخ لل ملع الادی قات باتک

³ Муслим. Сахих: мухтасар. «Сахих» имама Муслима: Краткое изложение. Т. 5 / сост. Заки-ад-дин ‘Абд-аль-‘Азым ибн ‘Абд-аль-Кавви ибн ‘Абдуллах ибн Салаяма Абу Мухаммад аль-Мунзири; пер. с араб., прим., указ. А. Нирша. М.: Умма, 2011. С. 50.

¹ ربالا ربع نبال هالضفدو ملع ال نایب عم اج

Таким образом, будучи воспитанным в религиозной традиции, мусульманин, решивший поступить в высшее учебное заведение по направлению «Исламская теология», переносит свои укоренившиеся, сдерживающие интеллектуальные изыскания, установки на научно-исследовательский процесс. На основании усвоенных с детства религиозных предписаний, стремясь в точности соблюдать предписания Аллаха, теолог-исследователь «взвешивает на весах шариата» степень дозволенности / сомнительности каждого вопроса, возникающего в процессе исследовательской деятельности, дабы отделить необходимое (разрешённое, чистое), достаточное (дозволенное, но сомнительное) от чрезмерного (пагубного, запретного). На основании вышеизложенного можно понять, какие внутренние переживания сопровождают теолога, осуществляющего своё исследование. Сам факт попытки приступить к изучению тематики, не рассматриваемой «классиками ислама» ввиду отсутствия в период Средневековья вопросов, актуальных в современных условиях, а тем более критический взгляд на работы классиков, уже вызывают как максимум «ужас» выхода из религии, как минимум «опасение» и «тревогу». Выходом из этих состояний может стать либо «освобождение от сомнительного» в сторону «запретного», и тогда целью исследования становится не более, чем изучение предшествующих классических трудов и их пересказывание, либо преодоление чувства сомнения и, несмотря на сохраняющееся ощущение тревоги, движение в сторону «дозволенного», видя в «заповедном» не «запретное», но «сокровенное, укрытое, хранимое в тайне, защищаемое, охраняемое и недоступное»¹, и тогда целью исследования становится попытка отыскивания ононого. Данный путь, несомненно, связан с риском, неопределённостью, опасностью, тревогой, сомнениями, которые не всегда имеют негативную направленность.

¹ В кавычках приведены значения слова «Заповедный», обнаруженные в рассматриваемых в данной статье словарях.

Тревога и сомнение (позитивный и негативный аспекты)

Тревога как феномен имеет позитивный и негативный аспекты. С. Я. Левит [18] анализирует различные виды тревоги на основании изучения теологии П. Тиллиха. Тревога судьбы, тревога вины, тревога сомнения, тревога отсутствия смысла, тревога пустоты, тревога утраты предельного интереса – вот неполный список видов тревоги, «пробуждающейся при утрате духовного центра, при отсутствии ответа, пусть символического и косвенного, на вопрос о смысле существования. Пустота и утрата смысла суть выражения небытия, угрожающего духовной жизни человека» [23, с. 37], – пишет П. Тиллих. Конечно, можно предположить, что вышеприведённые типы тревог негативно влияют на психику человека, приводя его к депрессии и различным формам избегания. Однако при благоприятных условиях даже этот «негативный аспект» способен перерасти в тревогу особого «позитивного» типа – тревогу как «фундаментальную способность субъекта «выдержать» благодаря осознанию потенциальности своего бытия. «Тревога в её сугубо онтологическом смысле, ставит по сути вопрос о фундаментальной способности и решимости субъекта *осуществить онтологический выбор*» [5, с. 17]. Ощущение «*Тревожащей свободы*» [5, с. 19] даёт человеку возможность выбора между «избеганием» экзистенции и её «принятием», результатом чего становится осознание фундаментальной ответственности за реализацию своего бытия. В данном случае возникает другой вид тревоги. «Человек тревожится, потому что он внутренне не завершён, он не в безопасности, но он сущностен. Но лишь испытывая «*страх небытия*» возможно почувствовать экзистенцию – непрерывность своего бытия. Более того, для реализации личностного развития человеку не следует стремиться к избавлению от подобного страха и тревоги, тем более что избавиться от них невозможно. Он должен прийти к большему» [16, с. 154]. Преодолевая экзистенциаль-

ную тревогу посредством самоосуществления, человек обретает готовность двинуться в сторону своего горизонта, несмотря на непременно возникающие на этом пути сомнения.

«Знание предполагает активную работу мысли, а думать – значит сомневаться» [17, с. 63], более того, данная формула работает и в обратном направлении, озвученном Л. О. Витгенштейном: «сомневаться – значит думать» [9, с. 480], – убеждённым, что утрата сомнения приводит к догматизму и фанатизму. Наличие сомнения, в отличие от догматической приверженности к тем или иным установкам, «пробуждает творческую мысль, актуализирует готовность к неожиданностям, новым поворотам, изменению позиций» [17, с. 65]. *Мотивация сомнением* довольно болезненна, т. к. проживается через «провал в привычной реальности, разрушающий устойчивую картину мира. Место сомнения – это брешь в субстанциональности сущего, пропасть через которую не проходят каузальные связи. Естественная человеческая реакция на разверзающуюся в тверди его верований пропасть – постараться вынырнуть из пучины сомнений [19, с. 51–52]. Именно это стремление и является двигателем научной теологической мысли, опирающейся на «методологическую осторожность» [17, с. 65], предполагаемую регулятивной природой мировоззрения теолога, основанного на «вере, дарующей мирозданию прочность и надёжность. И несмотря на “пробоины в фундаменте, оставляемые сомнениями”» [19, с. 279], омытый новыми водами смыслов, корабль движется к вновь открывающимся горизонтам. А. М. Дорожкин, вводя термин «здоровое сомнение», указывает на его стимулирующую исследовательскую функцию, причём не предполагающую прекращения самого сомнения. «Сомнение (конкретное) действительно снимается, но таким образом, что на смену ему приходит другое сомнение и такой процесс осуществляется постоянно. Именно “здоровое” сомнение является гносеологическим и методологическим аналогом онтологической вероят-

ности» [12, с. 9], в отличие от «сомнения большого», несущего разрушение и застой мысли, а потому избавление от него является желательным.

Рассмотренные выше позитивные и негативные аспекты тревоги и сомнения, так или иначе сопровождающие исследовательский процесс,

– с одной стороны, могут его замедлять вплоть до полной остановки, ввиду «чрезмерной осторожности» при встрече с «сомнительным» и выбора *принципа неаквалификационизма* в качестве ключевого; – с другой стороны, при соблюдении принципа *методологической осторожности* и осознания ответственности за каждый шаг на пути теологического пространства, переживание «здорового сомнения» и «тревожащей (будоражающей) свободы» могут способствовать упорному продвижению вперёд и актуализации особого рода азарта (*куражу*), порой приводящего к авантюризму.

Научно-исследовательский азарт способен усиливаться ввиду разворачивающейся *интриги* – колебания между уверенностью в возможность и необходимость сделать ещё хотя бы один шаг на пути «дозволенного-сомнительного» и сомнением в том, что этот шаг может стать роковым, нарушающим границу «сомнительного-запретного». В теологическом исследовании азарт усиливается за счёт того, что интрига, помимо гносеологического, приобретает ещё энигматический (тайный) характер.

Так, если источником *гносеологической интриги* является невозможность окончательного познания желаемого ввиду его вечной новизны и загадочности [14, с. 260], источником *энигматической интриги* является «онтологическая тайна, предполагающая не исчерпывание гносеологической интриги разгадкой, а лишь вероятность некоторых прояснений, приближений, ощущение прикосновения к запредельному...» [25, с. 17]. Довольно образно об этом переживании пишет Е. Багина: «Энигматическая интрига есть нечто, к чему можно лишь прикоснуться и пережить это прикосновение как миг сча-

ства, как путешествие в пограничье, где каждая точка пространства одновременно принадлежит двум мирам. Сокровищем же пограничья является образ (осознание, открытие), являющийся в момент прикосновения к тайне» [3, с. 78]. Причём этот образ (открытие), приблизивший искателя к границе непостижимого, одновременно становится причиной появления горизонта иного, ещё более далёкого, вновь усиливая как гносеологическую, так и энigmatическую интригу благодаря манящей и постоянно ускользающей онтологической тайне. «Энigmatическая интрига, приближает и удаляет момент проникновения в тайну или обретение смысла» [10, с. 61], а «онтологическая неисчерпаемость тайного» [14, с. 260] придаёт исследовательскому процессу характер самоценности и бесконечности. Энigmatическая интрига, в которой принимают участие двое: нарратор¹ – автор Священного текста, обладающий отгадкой всех тайн, и адресат – теолог-исследователь, опирающийся в своём исследовании на этот Священный текст и стремящийся к разгадке его тайн, будучи ведомым внутренним желанием восстановления от забвения и «утраты самого себя как принадлежащего к Священному», носит дивергентный характер, а потому может рассматриваться в качестве авантюры [21, с. 400, 403] – рискованного предприятия. Причём если в *негативном аспекте* авантюрные поступки вызваны желанием достижения личной выгоды и лёгкого успеха, в *позитивном аспекте* это стремление к приключению, вызванное страстным желанием открытия запредельных тайн. *Авантюрист* – это «первопроходец, движущийся над пропастью»², являющейся «провалом в привычной реальности, разрушающим устойчивую картину мира», продельвающим своим движением «брешь в субстанциональности сущего»

¹ Нарратор – рассказчик, реальное или вымышленное лицо, от имени которого ведётся повествование.

² Кэмерон Д. Долгие прогулки: практический подход к творчеству / пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. С. 81–117.

[19, с. 51–52]. Прилагая вышеизложенное к деятельности теолога, можно говорить о существовании *духовного авантюризма* – рискованного и опасного пути теолога-исследователя, пролегающего между «дозволенным, сомнительным и запретным», а также «возможным, гипотетически возможным и действительно невозможным» для постижения. Несомненно, этот путь довольно рискован, т. к., как точно подметил У. Блейк: «Никогда не скажешь сколько достаточно, пока не увидишь, что уже слишком много»³.

Заключение

На основании рассмотрения введённого на заре исламской мысли принципа нон-квалификационизма (араб. *فِيكَ الِاب* букв. «без как»), первоначально заключающегося в недопущении аллегорических толкований антропоморфных качеств Аллаха, распространившегося в дальнейшем на запрет исследования многих других религиозных вопросов, а также благодаря приведению ряда хадисов, играющих значительную роль в формировании у мусульманина ряда сдерживающих установок, направленных на осторожное отношение к сомнительному и бдительность к запретному, нами выявлены причины внутренних переживаний, сопровождающих теолога в процессе осуществления им научно-исследовательской деятельности.

Стремясь к безупречному соблюдению предписаний Всевышнего, соотнося каждый свой шаг с установлениями шариата, теолог-исследователь, проявляет особую осторожность относительно дозволенности / сомнительности каждого вопроса, возникающего в процессе исследовательской деятельности, чтобы отделить необходимое (разрешённое), достаточное

³ Кэмерон Д. Долгие прогулки: практический подход к творчеству / пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 327 с. Неделя 4. Раскрываем чувство авантюризма. С. 85.

Ср. с другим переводом цитаты, служащим эпиграфом к работе (Блейк У. Притчи ада, строка 46 // Блейк У. Бракосочетание рая и ада / пер. В. Чухно. М.: Экспо, 2006. С. 6).

(дозволенное, но сомнительное) от чрезмерного (запретного). Остерегаясь перешагнуть неявную черту не только между разрешённым и дозволенным, но сомнительным, а также между достаточным и чрезмерным, во избежание нарушения норм шариата большая часть теологов-исследователей предпочитает в дозволенном видеть не только сомнительное, но и запретное, что несомненно не только не способствует развитию теологического знания, но и значительно сдерживает его, т. к. подобное исследование представляет собой многократный пересказ базовых вопросов ислама, основанный на изучении классических трудов предшественников. И лишь немногие (единицы), несмотря на сопровождающую тревогу и сомнение, а также осознание духовных рисков, позволяют себе двинуться дальше, ступая в область сомнительного, несмотря на тонкую грань не только между необходимым (разрешённым) и достаточным (дозволенным, но сомнительным) и между достаточным и чрезмерным (запретным).

Благодаря *онтологической тревоге*, дающей осознание потенциальности собственного бытия, рассматриваемой в качестве фундаментальной способности выдерживания напряжения и решимости осуществления онтологического выбора, а также *мотивации сомнением*, актуализирующим творческую мысль, способствуя преодолению догматических приверженностей к тем или иным установкам, теолог начинает испытывать *научно-исследовательский азарт*, усиливающийся *энигматической интригой*, дающей надежду прикоснуться к сокровенной тайне, при этом создавая интенсивные колебания между осознанием возможности дальнейшего продвижения по пути «*дозволенного-сомнительного*» и риском преступить черту «*сомнительного-запретного*».

«Люди по природе авантюристы. Душа жаждет приключений. Игнорируя тягу к приключениям, мы игнорируем саму природу человека»¹.

Статья поступила в редакцию 12.06.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аббаньяно Н. Введение в экзистенциализм / пер. А. Л. Зорина. СПб.: Алетейя, 1998. 507 с.
2. Алмакова Е. В. Философская и христианская теология: методологические и аксиологические аспекты // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6 (31). С. 257–259.
3. Багина Е. Сокровища пограничья // Проект Байкал. 2018. Т. 15. № 58. С. 78–83.
4. Байбородов А. Ю. «Пограничные ситуации» и проблемы коэкзистенциального общения // Манускрипт. 2016. № 4 (66): в 2 ч. Ч. 2. С. 15–19.
5. Байбородов А. Ю. Коэкзистенциальное общение и проблема ничто // Идеи и Идеалы. 2016. № 4 (30). Т. 2. С. 14–24.
6. Бердяев Н. А. Истина и откровение: Прологомены к критике Откровения / сост., послесл. В. Г. Бессонова. СПб.: РХГИ, 1996. 384 с.
7. Бердяев Н. А. Философия свободы. М.: Правда, 1989. 608 с.
8. Вагабов М. В. Коранические мудрости в модернизирующемся мире // Исламоведение. 2012. № 1 (11). С. 22–29.
9. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 67–120.
10. Гримова О. А. Нарративная интрига в современном романе (У. Г. Водолазкин «Соловьев и Ларионов») // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 1 (56). С. 60–62.
11. Диев В. С. Риск и неопределённость в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2011. № 2 (14). С. 79–89.
12. Дорожкин А. М. О рациональных заблуждениях и нерациональных истинах // Философия о знании и познании: актуальные проблемы: материалы Второй Всероссийской научной конференции, Ульяновск, 18–19 июня 2010 г. / под ред. Н. Г. Баранец, А. Б. Верёвкина. Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2010. С. 4–10.

¹ Раскрываем чувство авантюризма [Электронный ресурс]. URL: https://www.mann-ivanov-ferber.ru/assets/files/bookparts-new/vstupaya-v-etot-mir/Dolgie-progulki_mail_stamped.pdf (дата обращения: 03.04.2022).

13. Дорошин И. А. Риск духовного поиска в Русской философской традиции // Межрегиональные Пименовские чтения. 2011. Т. 8. № 8. С. 350–357.
14. Исупов К. Г. Тайна (из авторского словаря «Космос русского самосознания») // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 4 (21). С. 259–261.
15. Капралин С. Г. Дифференциация взглядов на дефиниции «Риск» и «Неопределённость» // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 2 (22). С. 33–39.
16. Касавина Н. А. По направлению к подлинности человеческого бытия (об экзистенциальной динамике в психологии) // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 38. № 4. С. 150–162.
17. Козлова М. С. Вера и знание: Проблема границы. (К публикации работы Л. Витгенштейна «О достоверности») // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 58–66.
18. Левит С. Я. Теология культуры Пауля Тиллиха // Культурология. 2017. № 1 (80). С. 65–79.
19. Михайлов А. Н. Эпистемологические аспекты концептуализации феномена фантастического // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2008. № 4. С. 45–52.
20. Нофал Ф. О. Философия ан-Насафи как квинтэссенция матуридитского вероучения // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 1. С. 134–145.
21. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И. С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
22. Роузентал Ф. Торжество знания: концепция знания в средневековом исламе / пер. с англ. С. А. Хомутова. М.: Наука, 1978. 372 с.
23. Тиллих П. Мужество быть // Тиллих П. Избранное. Потрясение оснований / пер. с англ.; сост. С. Я. Левит, С. В. Лёзов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 7–128.
24. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432 с.
25. Тюпа В. И. Этнос нарративной интриги // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 2. С. 9–19.
26. Франк С. Л. Духовные основы общества / сост. П. В. Алексеев. М.: Республика, 1992. 511 с.
27. Ясперс К. Философия: в 3 т. Т. 2 / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Канон+, 2012. 448 с.

REFERENCES

1. Abbagnano N. La struttura dell'esistenza introduzione all'esistenzialismo esistenzialismo positivo (Рус. ed.: Zorin A. L., transl. *Vvedenie v ekzistencializm*. St. Petersburg, Aleteya Publ., 1998. 507 p.).
2. Almakova E. V. [Philosophical and Christian Theology: Methodological and Axiological Aspects]. In: *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2011, no. 6 (31), pp. 257–259.
3. Bagina E. [Treasures of the Borderland]. In: *Proekt Bajkal* [Project Baikal], 2018, vol. 15, no. 58, pp. 78–83.
4. Bajborodov A. Yu. ["Boundary situations" and Problems of Co-existential Communication]. In: *Manuskript* [Manuscript], 2016, no. 4 (66), pt. 2, pp. 15–19.
5. Bajborodov A. Yu. [Co-existential Communication and the Problem of Nothing]. In: *Idey i Idealy* [Ideas and Ideals], 2016, no. 4 (30), vol. 2, pp. 14–24.
6. Berdyaev N. A. *Istina i otkrovenie: Prolegomeny k kritike Otkroveniya* [Truth and Revelation: Prolegomena to the Criticism of Revelation]. St. Petersburg, RHGI Publ., 1996. 384 p.
7. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobody* [Philosophy of Freedom]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 608 p.
8. Vagabov M. V. [Koranic Wisdom in the Modernizing World]. In: *Islamovedenie* [Islamic Studies], 2012, no. 1 (11), pp. 22–29.
9. Vitgenshtejn L. [On Reliability]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1991, no. 2, pp. 67–120.
10. Grimova O. A. [Narrative Intrigue in the Modern novel (U. G. Vodolazkin "Soloviev and Larionov")]. In: *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia], 2015, no. 1 (56), pp. 60–62.
11. Diev V. S. [Narrative Intrigue in the Modern Novel (Yu. G. Vodolazkin "Soloviev and Larionov")]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Cultural Life of the South of Russia], 2011, no. 2 (14), pp. 79–89.
12. Dorozhkin A. M. [On Rational Delusions and Irrational Truths]. In: Baranec N. G., Vervovkina A. B., eds. *Filosofiya o znanii i poznanii: aktual'nye problemy: materialy Vtoroj Vserossijskoj nauchnoj konferencii, Ulyanovsk, 18–19 iyunya 2010 g.* [Philosophy about Knowledge and Cognition: Actual Problems: Proceedings of the Second All-Russian Scientific Conference, Ulyanovsk, June 18–19, 2010]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State University Publ., 2010, pp. 4–10.
13. Doroshin I. A. [The Risk of Spiritual Search in the Russian Philosophical Tradition]. In: *Mezhregional'nye Pimеноvskie chteniya* [Interregional Pimenovskie Readings], 2011, vol. 8, no. 8, pp. 350–357.

14. Isupov K. G. [Secret (From the Author's Dictionary "Cosmos of Russian Self-Consciousness")]. In: *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Wednesday. Development], 2011, no. 4 (21), pp. 259–261.
15. Kapralin S. G. [Differentiation of Views on the Definitions of "Risk" and "Uncertainty"]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economy], 2013, no. 2 (22), pp. 33–39.
16. Kasavina N. A. [Towards the Authenticity of Human Existence (On Existential Dynamics in Psychology)]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2013, vol. 38, no. 4, pp. 150–162.
17. Kozlova M. S. [Faith and Knowledge: The Problem of the Border (On the Publication of L. Wittgenstein's Work "On Reliability")]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1991, no. 2, pp. 58–66.
18. Levit S. Ya. [Paul Tillich's Theology of Culture]. In: *Kul'turologiya* [Culturology], 2017, no. 1 (80), pp. 65–79.
19. Mihajlov A. N. [Epistemological Aspects of the Conceptualization of the Fantastic Phenomenon]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy], 2008, no. 4, pp. 45–52.
20. Nofal F. O. [Philosophy an-Nasafi as the Quintessence of the Maturidite Doctrine]. In: *Filosofskij zhurnal* [Philosophical Journal], 2016, vol. 9, no. 1, pp. 134–145.
21. Ricœur P. Le conflit des interpretations (Rus. ed.: Vdovina I. S., transl. *Konflikt interpretacij. Ocherki o germenевtike*. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2008. 695 p.).
22. Rosenthal F. Knowledge triumphant. The Concept of Knowledge in Medieval Islam (Rus. ed.: Homutov S. A., transl. *Torzhestvo znaniya: koncepciya znaniya v srednevekovom islame*. Moscow, Nauka Publ., 1978. 372 p.).
23. Tillich P. The Courage to be (Rus. ed.: Levit S. Ya., Lyozov S. V., comps. *Tillich P. Izbrannoe. Potryasenie osnovanij* [Selected Works. The Shake of the Foundations]. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2015, pp. 7–128).
24. Trubeckoj E. N. *Smysl zhizni* [The Meaning of Life]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 432 p.
25. Tyupa V. I. [Ethos of Narrative Intrigue]. In: *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istorija. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies], 2015, no. 2, pp. 9–19.
26. Frank S. L. *Duhovnyye osnovy obshchestva* [Spiritual Foundations of Society]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 511 p.
27. Jaspers K. *Philosophie* (Rus. ed.: Sudakov A. K., transl. *Filosofiya. T. 2* [Philosophy. Vol. 2]. Moscow, Kanon+ Publ., 2012. 448 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Седанкина Татьяна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой систематической теологии Российского исламского института;
e-mail: Tatiana-svetlaya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana E. Sedankina – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Systematic Theology, Russian Islamic Institute;
e-mail: Tatiana-svetlaya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Седанкина Т. Е. Духовные риски: необходимое, достаточное и чрезмерное в теологическом исследовании // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 3. С. 27–38.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-3-27-38

FOR CITATION

Sedankina T. E. Spiritual Risks: Necessary, Sufficient and Excessive in Theological Research. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 3, pp. 27–38.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-3-27-38